

КРИТЕРИАЛЬНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ, СОЦИАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ЭВОЛЮЦИЯ НОРМАТИВНЫХ СИСТЕМ

С. В. МОИСЕЕВ*

Возможны ли факты о том, что «должно быть» (а не только о том, что «есть»), и могут ли они играть какую-либо объяснительную роль? Возможны, и могут: в рамках нормативных, или критериальных, объяснений, когда нечто случившееся объясняется указанием на соответствующий критерий, которому то или иное явление в большей или меньшей степени соответствовало (или не соответствовало).

Нормативные объяснения могут быть уместны при анализе (и регуляции) практической деятельности людей, поведения индивида через указания на степень его соответствия нормам индивидуальной рациональности и объективным интересам, а также при рассмотрении моральных и правовых норм как отражающих социальную рациональность.

Рассмотрение степени социальной рациональности может играть объяснительную роль при анализе процессов нормативной эволюции обществ. И эта роль не может быть объяснена только через представления обществ о том, что является правильным. Критериальные объяснения позволяют выявить механизмы обратной связи, способствующие эволюции нормативных систем, имеют предсказательную силу и дают возможность выявить причины и характеристики универсальных паттернов нормативной эволюции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: объективизм в морали и праве, моральный реализм, критериальные объяснения, социальная рациональность, нормативная эволюция.

MOISEEV S. V. CRITERIAL EXPLANATIONS, SOCIAL RATIONALITY AND EVOLUTION OF NORMATIVE SYSTEMS

Is it possible to state facts about what “must be” (and not only about what “is”), and can such facts play any explanatory role? It is possible, and they can: in the context

Моисеев Сергей Вадимович,
MPhil in Social Theory,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических
дисциплин Новосибирской
государственной архитектурно-
художественной академии

* Moiseev Sergey Vadimovich — MPhil in Social Theory, associate professor of the Department of Humanitarian and Social-Economic Disciplines, Novosibirsk State Academy of Architecture and Arts.

© Моисеев С. В., 2013

E-mail: sergeimoiseev@gmail.com

of normative, or criterial, explanations when something which has taken place is explained by indication of an appropriate criterion with which this or that event more or less complied (or did not comply).

Normative explanations can be relevant for the analysis (and regulation) of the persons' practical activity and of an individual behavior by indicating, to what extent it complies with the norms of individual rationality and objective interests, as well as for consideration of moral and legal norms as reflecting the social rationality.

Consideration of the extent of social rationality can play an explanatory role in the analysis of normative evolution of societies. This role can not be explained only through the social perceptions of what is right. Criterial explanations enable to reveal the feedback mechanisms which contribute to the evolution of normative systems, have a forecasting power and enable to reveal the reasons for and characteristics of universal patterns of normative evolution.

KEYWORDS: objectivism in morality and law, moral realism, criterial explanations, social rationality, normative evolution.

Объективизм и скептицизм в морали и праве. В современном общественном дискурсе, в том числе научном и философском, чрезвычайно распространены идеи морального скептицизма — представления о том, что либо моральной истины вообще не существует (нигилизм), либо истинность любых моральных представлений зависит от их принятия индивидом (субъективизм) или коллективом (релятивизм). Моральному скептицизму противостоит позиция морального объективизма, утверждающего наличие объективной истины в этике. Эта позиция многим представляется неубедительной в силу ряда трудностей обоснования объективности в этике. Скептические настроения распространены настолько широко, что многим вообще представляется невообразимым, как этика может быть объективной. Часто полагают, что объективизм в этике несовместим с наличием больших и долгое время сохраняющихся разногласий относительно морали, что он будет приводить к догматизму и отсутствию толерантности. Кроме того, неприятие этического объективизма отчасти связано с рядом трудностей, возникающих при объяснении взаимосвязи эмпирического и нормативного в рамках объективистских теорий.

Ситуация в философии права во многом сходна с ситуацией в метаэтике. Аналогично моральному реализму в метаэтике, объективистская позиция по отношению к праву исходит из того, что существует объективная истина в вопросе о том, чем является право, истина, независимая от мнения отдельных юристов. Существуют объективные правовые факты о том, что требует, запрещает или позволяет закон, независимые от чьих-либо представлений или теорий о них. Соответственно, возможны истинные (соответствующие этим фактам) и ложные (не соответствующие им) точки зрения. Даже в трудных, проблемных случаях всегда есть то, что Р. Дворкин называл «правильными ответами» — определенные, объективно истинные их решения.¹

¹ О проблеме объективности в праве см., в частности: *Dworkin R.* 1) *Law's Empire*. Cambridge: Harvard University Press, 1986; 2) *Objectivity and Truth: You'd Better Believe It*. *Philosophy & Public Affairs* 25 (1996). P. 87–139; *Greenawalt K.* *Law and Objectivity*. New York: Oxford University Press, 1992; *Coleman J., Leiter B.* *Determinacy, Objectivity, and Authority*. 142 U. Pa. L. Rev. 549 (1993), reprinted in Andrei Marmor (ed.) // *Law and Interpretation: Essays in Legal Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 1995; *Stavropoulos N.* *Objectivity*

И мораль, и право сталкиваются с одной и той же атакой скептика: скептические аргументы относительно невозможности объективности морали легко модифицируются в аналогичные аргументы против объективности права. Именно это и делают многие авторы субъективистско-скептического толка — юридические реалисты, постмодернисты, сторонники «критических правовых исследований» и феминистской юриспруденции и т. д. Одним из их аргументов является то, что, в той мере, в какой содержание права зависит от морали (как, например, во влиятельной теории правовой интерпретации Р. Дворкина истинность правового суждения зависит от моральных соображений), правовое высказывание не может быть объективным, если мораль, на которой оно основывается, не является объективной. Например, один из самых известных сторонников скептицизма в метаэтике Дж. Мэки отвергает теорию Р. Дворкина именно на том основании, что «мораль всегда субъективна».² Соответственно, обоснование объективистской позиции в метаэтике подрывает и субъективистско-скептические вызовы праву.

Автор данной статьи полагает, что именно моральный объективизм является правильной метаэтической позицией, а все версии морального скептицизма не выдерживают критики. Подробный разбор всех аргументов в пользу этой точки зрения потребовал бы большего объема работы, чем возможно в этой статье. Поэтому в ней ставится более узкая задача: продемонстрировать, что одна из разновидностей морального объективизма — натуралистический моральный реализм подкрепляется вескими основаниями, дает убедительный ответ на вопрос о том, как соотносится эмпирическое и нормативное в рамках представлений об объективности моральной истины, и имеет большие ресурсы в качестве полезной объяснительной теории, открывающей важные стороны развития нормативных систем в обществе.³

Проблема соотношения фактов и норм в современной метаэтике. Вопрос о соотношении сущего и должного, эмпирического и нормативного, фактов, норм и ценностей является постоянно актуальным для современных философских дисциплин, в частности этики и философии права. Впервые в четкой форме эта проблема была поставлена знаменитым шотландским философом Д. Юмом, который в своем «Трактате о человеческой природе» приводит следующее известное рассуждение:

«Я заметил, что в каждой этической теории, с которой мне до сих пор приходилось встречаться, автор в течение некоторого времени рассуждает обычным образом, устанавливает существование Бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивле-

in Law. Oxford: Clarendon Press, 1996; *Leiter B.* (ed.). *Objectivity in Law and Morals*. New York: Cambridge University Press, 2001.

² *Mackie J.* *The Third Theory of Law*, reprinted in Marshall Cohen (ed.), *Ronald Dworkin and Contemporary Jurisprudence*. London: Duckworth, 1983. P. 165.

³ Концепция натуралистического морального реализма будет рассмотрена в версии одного из виднейших представителей современной метаэтики Питера Рэйлтона, профессора факультета философии Университета Мичигана в Анн-Арбор (*Railton P.* *Moral Realism* / Russ Shafer-Landau and Terence Cuneo (eds.) // *Foundations of Ethics. An Anthology*. Blackwell Publishing. Malden, 2007. P. 186–205). При этом я опираюсь прежде всего на его программную работу «Moral Realism» и в данной статье в ряде мест излагаю ее очень близко к тексту. См. также другие его работы: 1) *Moral Realism: Prospects and Problems* / Sinnott-Armstrong and Timmons (eds.) // *Moral Knowledge? Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 49–81*; 2) *Moral Theory as a Moral Practice* // *Nous*. Vol. 25. N 2. 1991. P. 185–190; 3) *Facts, Values and Norms*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

нию, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно “есть” или “не есть”, не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки “должно” или “не должно”. Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это “должно” или “не должно” выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятым, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от них». ⁴

Сделанное Юмом как частное замечание в конце одной из глав «Трактата», которое он далее не развивает, это утверждение в дальнейшем привлекло огромное внимание исследователей и породило множество его толкований. Высказывание Юма нередко трактуется как обоснование жесткой границы между дескриптивными и нормативными высказываниями и невыводимости последних из первых. То есть имеется два рода высказываний: 1) дескриптивные, фактические — о том, что есть, имеет место в реальности; 2) нормативные — о том, что должно быть, о целях, ценностях и нормах. Эти высказывания находятся как бы в разных плоскостях, и нормативные не могут выводиться из дескриптивных.

Почему считается, что нормативные высказывания не могут выводиться из дескриптивных? Ключом к ответу на данный вопрос является употребленное Юмом в приведенном выше фрагменте слово «дедукция». Действительно, правила логически корректного дедуктивного вывода говорят о том, что в выводе не может содержаться ничего, что не содержалось бы уже в посылах. Поэтому, если в выводе говорится о чем-то нормативном, о чем-то, что «должно быть», это «должно быть» уже должно содержаться хотя бы в одной из посылок. Если же посылки будут чисто дескриптивными, а вывод — нормативным, то он будет логически некорректным.

Между тем распространенной ошибкой является смешение нормативного и дескриптивного планов, противопоставление нормативным утверждениям дескриптивных, т. е. утверждений о фактах. Например, на нормативное утверждение «Х плохо» вполне может последовать фактическое возражение «Х очень распространено» или «Все делают Х» («воровать недопустимо» — «да все воруют»; «пьянство плохо» — «в нашей стране это традиция»). Но это некорректные возражения. Из того, что есть Х, совершенно не следует, что Х должно быть. А вот возражение «нет, если воровать понемногу и только у богатых людей, то можно» (тоже нормативное) было бы не очень удачным, но возможным возражением против утверждения «воровать недопустимо». Например:

Этот ребенок голоден.

Следовательно, его надо накормить.

Будет ли правилен (нормативный) вывод 2 из дескриптивной посылки 1? Нет, согласно методу логической дедукции из того факта, что ребенок голоден, логически еще не следует вывод 2. Невозможно прийти к нормативному заключению на основе только дескриптивных посылок. Если мы к такому заключению приходим, значит, была пропущена какая-то нормативная посылка. Например, в последнем аргументе, чтобы прийти к его выводу, мы должны восстановить пропущенную нами нормативную посылку. И тогда этот аргумент будет звучать следующим образом:

⁴ Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. С. И. Церетели, В. В. Васильева, В. С. Швырева. М., 1996. С. 510–511.

Этот ребенок голоден.

Голодных детей надо кормить.

Следовательно, его надо накормить.

Эти справедливые рассуждения о дедуктивной невыводимости нормативного из дескриптивного привели многих к далеко идущим выводам о статусе нормативных высказываний. Стало распространенным мнение о том, что только дескриптивные высказывания, как отражающие существующую реальность и допускающие эмпирическую проверку, являются объектами научного знания и могут быть истинными или ложными. Нормативные же, в частности этические, высказывания, говорящие не о действительном, а о желательном состоянии дел, такой проверке якобы не подлежат (можно ли эмпирически проверить правильность таких высказываний, как «люби своих врагов», «надо упорно трудиться» и т. д.?). Соответственно, они в рамках этих представлений не являются объектом научного познания, не могут никак опираться на фактические данные и являться объективно истинными или ложными. Отсюда часто приводимые аргументы о том, что споры о ценностях могут продолжаться и после того, как обе спорящие стороны привели все фактические научные данные, о том, что ценности просто принимаются индивидом и никакая аргументация не может их опровергнуть и т. д.

Чем же тогда являются нормативные высказывания, в частности высказывания моральные? Приведенные выше соображения заставили многих авторов занять определенные метаэтические позиции в духе нонкогнитивизма (неприменимости к морали понятий истинного и ложного), нигилизма, субъективизма и скептицизма. Моральные высказывания стали интерпретироваться как выражение эмоций говорящего (эмотивизм) или как квазикоманды (прескриптивизм), ложные утверждения, за которыми не стоит никакой моральной реальности (нигилизм), отражение субъективных мнений индивида (субъективизм) или коллектива (релятивизм). Естественно, что все эти позиции несовместимы с метаэтической позицией морального реализма, полагающего, что существует объективная и познаваемая моральная реальность, моральные факты и что моральные утверждения могут быть объективно истинными или ложными.

Должны ли мы на основании различия фактического и должного и невыводимости последнего из первого отвергнуть моральный реализм и занять нонкогнитивистские и скептические позиции? Автору данной статьи представляется, что нет. Во-первых, сам факт дедуктивной невыводимости нормативных (в частности, моральных) высказываний из дескриптивных еще не означает, что последние не могут рассматриваться в категориях истинности и ложности. То, что из высказываний типа *A* не выводятся высказывания типа *B*, еще совершенно не доказывает, что высказывания типа *B* не могут быть истинными и ложными, — это все равно что невыводимость исторических высказываний из космологических доказывает отсутствие истины в истории. Во вторых, аргумент Юма демонстрирует лишь дедуктивную невыводимость нормативных высказываний из фактических. Многие же ошибочно отождествили дедуктивную невыводимость с невыводимостью вообще. Однако существует несколько видов недедуктивных умозаключений (например, абдукция, умозаключение на основе лучшего объяснения), с помощью которых возможен переход от дескриптивных суждений к нормативным.

Более того, тезис Юма не подрывает полностью и возможности дедуктивного вывода нормативных утверждений из дескриптивных. Такой вывод становится возможен при наличии некоторых предпосылок, соединяющих

два рода этих утверждений. Так же как биологические высказывания не выводятся прямо из физических, но могут выводиться опосредованно, когда некоторое физическое состояние является свидетельством некоторого биологического состояния, так и некоторое фактическое, неморальное состояние дел может быть свидетельством того, что имеет место некоторый моральный факт.⁵

Таким образом, не существует жесткого водораздела между фактическим и нормативным и есть интересные концептуальные взаимосвязи между ними. Можно утверждать, что нормы и ценности — это тоже своего рода факты о том, что должно быть, и они являются разновидностью фактов о том, что есть.

Критериальные объяснения и неморальная нормативность. Идея объективных ценностей и норм может выполнять полезную объяснительную функцию в теории в рамках нормативных, или критериальных, объяснений, когда нечто случившееся объясняется указанием на соответствующий критерий, которому то или иное явление в большей или меньшей степени соответствовало (или не соответствовало).⁶ Пример критериального объяснения, когда речь идет о неморальной норме, может быть взят из области архитектуры. Почему несколько лет назад рухнул навес над террасой дачи автора данной статьи? Потому что в условиях многоснежных зим Западной Сибири опорные балки для крыши должны были быть значительно толще, чем они были на самом деле. Это объяснение содержит «должно быть» как гипотетическое утверждение, отражающее общую архитектурную цель — делать крыши достаточно прочными. Есть достаточно определенные ответы на вопрос о том, как достичь эту цель, объясняемый феномен — результат процесса, который проводит селекцию на соответствии или несоответствии этой цели, и поэтому «должно быть» здесь несет объяснительную информацию.

Другие примеры такого же рода могут касаться норм индивидуальной рациональности. Поведение индивида может анализироваться в плане того, насколько оно рационально в свете его представлений и желаний. Имеются основания полагать, что существует механизм приближения к оптимальной рациональности: представления и поведение, отклоняющиеся от инструментальной рациональности, будут в какой-то степени саморазрушительными, стимулом к самоизменению, тогда как демонстрирующие большую инструментальную рациональность — вознаграждающими, стимулом к продолжению себя (даже если не всегда это осознается индивидом). Расширенная форма критериального объяснения оценивает рациональность индивида не относительно его настоящих представлений и желаний, а относительно его объективных интересов. И здесь также может работать механизм приближения к оптимальной рациональности — механизм желаний и интересов, когда желания могут корректироваться в соответствии с интересами, а поведение — в соответствии с этими новыми желаниями (тоже не всегда сознательно).

Как именно это происходит? П. Рэйлтон развертывает следующую концептуальную схему. Мы начинаем с понятия *субъективных интересов* — чьих-либо желаний или стремлений. Субъективные интересы имеют недостаточную нормативную силу для индивида — часто они выражают то, что

⁵ См. подробнее: *Brink D. O. Moral Realism and the Foundations of Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 167–169.

⁶ *Railton P. Moral Realism / Russ Shafer-Landau and Terence Cuneo (eds.). P. 195–200.*

не является для него действительно желаемым, отражая его недостаточную информированность, недомыслие, слабоволие и т. д. Я вполне могу хотеть того, чего мне бы хотеть не следовало (и даже иногда сам понимаю это). Следующий шаг — мы вводим понятие *объективированного субъективного интереса для индивида А*. Если придать реальному индивиду А неограниченные когнитивные возможности и способности воображения, полную фактическую и номологическую информацию о его физической и психологической конституции, возможностях, обстоятельствах и т. д., А станет А+, имеющим полное и ясное знание о себе и своем окружении, чья инструментальная рациональность лишена каких-либо дефектов. Мы просим А+ сказать нам, чего стоило бы хотеть неидеализированному А в его реальной ситуации. Мы исходим из того, что есть *редуктивный базис* для объективированного субъективного интереса А, а именно те факты об А и его обстоятельствах, которые А+ учел бы, приходя к выводу о том, чего бы он пожелал на месте А. Данный редуктивный базис есть сочетание тех первичных качеств, тот комплекс фактов, которые определяют то, что у А есть некоторый *объективный интерес*. Именно этот редуктивный базис, а не потенциальные желания А+, делает истинным утверждение, что у А есть некий объективный интерес (объективный интерес объясняет, почему есть интерес объективированный, а не наоборот).

Тогда можно сказать, что Х является неморальным благом для А, если и только если Х удовлетворяет объективный интерес А. Можно ожидать, что то, чего А+ желал бы, оказавшись он на месте А, будет совпадать с тем, что позволило бы А иметь физическое и психологическое благополучие, что крайне значимо для нас. Поэтому степень соответствия между желаниями и интересами А будет объяснять то, насколько он удовлетворен жизнью. Корреляция между желаниями и объективными интересами, приводящая к тому, что действия в соответствии с объективными интересами будут приносить удовлетворение, и наоборот, может объяснять эволюцию желаний индивида, когда он на опыте, часто методом проб и ошибок, сознательно или бессознательно будет учиться лучше учитывать свои интересы и делать свои желания более им соответствующими.

Такое понимание объективной неморальной ценности играет важную роль в объяснении индивидуального поведения, а также имеет и нормативную силу для действующего лица — для него позитивная черта действия в том, что оно эффективно относительно его представлений и желаний или, в более широком плане, эффективно по отношению к представлениям и желаниям, правильно отображающим его объективную ситуацию. Таким образом, существуют факты о том, что у индивидов есть основания делать.

Критериальные объяснения моральных и правовых норм. Мораль оценивает поведение (или характер) в тех ситуациях, когда затрагиваются интересы более чем одного индивида. Ключевой характеристикой моральной оценки является беспристрастность, равная забота обо всех, кого затрагивает действие.⁷ Моральные нормы отражают определенный вид рациональности — рациональность с общественной точки зрения, коллективную, или социальную. Социальная рациональность — это то, что было бы рационально одобрено, если бы интересы всех затрагиваемых индивидов имели бы равный вес в условиях полной и ясной информации. Таким образом, это были бы объективные интересы. Моральная правиль-

⁷ О беспристрастности как ключевой характеристике морали см., например: *Rachels J. The Elements of Moral Philosophy*. New York: McGraw Hill, 1993. P. 12–13.

ность — это степень приближения к этому критерию. Аналогичный вывод можно сделать и относительно правовых норм, также регулирующих поведение людей по отношению к реализации общественных интересов и во многом совпадающих по содержанию с нормами морали.

Какова объяснительная роль степени нормативной правильности при анализе общественной практики? Эта роль сходна с той, что описывалась, когда речь шла об индивидуальной рациональности. Так же как индивид, который в значительной степени не учитывает некоторые из своих интересов, будет испытывать определенную неудовлетворенность, так и общественное устройство, отклоняющееся от социальной рациональности, существенно пренебрегая интересами какой-то группы, будет иметь потенциал недовольства и волнений (реализуется ли этот потенциал — зависит от многих обстоятельств). При этом действие этого механизма необязательно будет опосредовано сознанием. Недовольство может возникнуть потому, что общество отклоняется от социальной рациональности, а не потому, что это осознают, что так считают. Может быть так, что все члены общества считают его справедливым. Но, если интересами некоторых групп пренебрегают, потенциал протеста может реализоваться в отчуждении, упадке морального духа, снижении эффективности власти и т. д. — задолго до того, как члены этих групп осознают, что что-то не так. Другие особенности таких обществ — содержание господствующих в них идеологических доктрин, характеристики репрессивного аппарата, меньшая эффективность в одних отношениях и большая в других и т. д. также могут объясняться теми или иными отклонениями от социальной рациональности.

Если понятие социальной рациональности — законная часть эмпирических объяснений таких явлений, то отклонения от социальной рациональности или приближение к ней могут играть предсказательную роль относительно того, когда группы, чьими интересами пренебрегают, могут мобилизоваться и проявить недовольство (данная тема начинает активно изучаться в современных исследованиях о революциях). Недовольство, вызванное отклонениями от социальной рациональности, может проявиться и играть роль обратной связи, способствующей развитию норм, лучше приближающихся к этой рациональности (в результате давления со стороны этих групп и их союзников, восстаний и т. д.). Конечно, данные процессы очень сложны и неоднозначны. Можно ожидать, что в обществах с большими конфликтами интересов будут большие нормативные разногласия и, если будет иметь место большое неравенство сил, доминирующие нормативные взгляды вряд ли будут отражать социальную рациональность. Однако со временем и в определенных обстоятельствах мы можем ожидать давление в пользу практик, более адекватно соответствующих критериям рациональности.

Вышеприведенная аргументация может служить еще одним доводом в пользу необходимости подкрепления концептуального понимания права его социологическим и функциональным пониманием, осмыслением права «извне», как социального механизма, средства достижения определенного социального состояния. Если сказанное выше верно, то не только моральные, но и правовые системы должны служить достижению объективной социальной рациональности. И можно предположить, что право развивалось в соответствии с этой имплицитной логикой, даже если законодатели этого не осознавали и не пытались создавать правовые нормы, имея в виду эту цель. Можно ли говорить об эволюционном характере права и роли естественного отбора в этой эволюции? Здесь открываются широкие перспективы для исследований, которые имели бы целью проверить, существуют ли

единые или сходные паттерны развития правовых систем в соответствии с этой логикой, невзирая на социально-экономические, политические и культурные различия. Предварительно можно указать на три глобальные исторические тенденции в эволюции моральных и правовых норм, подтверждающие эту теорию.⁸

1. Универсализация. Для архаических обществ характерен локализм, часто находящий выражение в том, что название племени имеет значение «люди», каковыми считаются только представители данной группы. Все другие человеческие существа считаются находящимися вне сферы действия регулирующих поведение норм, нередко воспринимаются как враги по определению. Со временем мы видим, как мораль и право распространяются на все больший круг людей, постепенно охватывая все человечество и даже других чувствующих существ (животных).

2. Гуманизация. Исторической тенденцией является установление все большей связи между нормативными принципами и интересами людей. Ранее эти принципы нередко существовали как отражение космического порядка, веления высших сил, немотивированные табу, кастовые нормы и т. д., что не предполагало обоснования их человеческими интересами и учета в них этих интересов, что характерно для современных моральных систем. В процессе исторической эволюции также имеет место смягчение, гуманизация норм морали и права (отказ от человеческих жертвоприношений, смягчение наказаний и т. д.).

3. Модели вариации. В соответствии с этой теорией следовало бы ожидать, что будет иметь место большее приближение к социальной рациональности в тех сферах нормативной регуляции, где описанные механизмы работают лучше всего, например, там, где почти у всех сходные или совместимые интересы, где почти все могут существенно нарушать интересы других и где преимущества ограничений или сотрудничества очевидны, где индивиды, следуя нормам, могут существенно повысить вероятность следования нормам со стороны остальных (запрет воровства и физического насилия, лжи и нарушения обещаний). А там, где интересы очень различны, большая асимметрия сил, выгоды от сдержанности или сотрудничества менее очевидны и соблюдение норм индивидом мало влияет на поведение других, — там намного труднее приблизиться к социальной рациональности. Примерами последнего, связанными с социальной иерархичностью, могут быть вопросы (лишь очень с большим трудом и крайне медленно решаемые) о допустимости рабства, авторитарного правления, кастового или гендерного неравенства или проблемы социальной ответственности — того, в чем наши индивидуальные или коллективные обязанности должны способствовать благо других.

Примером перехода к нормам, более отражающим социальную рациональность, может быть процесс демократизации. Как известно, в мире наблюдается тенденция становления политической демократии во все большем и большем количестве стран, с каждым десятилетием их число увеличивается. Почему имеет место этот процесс? Есть основания расценивать недемократические политические системы как более далекие от социальной рациональности, а демократию — как политическое устройство, более приближающееся к социальной рациональности. Действительно, исследования по социальной истории и политической науке показывают, что в отличие от недемократий, ориентированных на защиту интересов

⁸ Railton P. Moral Realism / Russ Shafer-Landau and Terence Cuneo (eds.). P. 200–201.

(относительно немногочисленных) элит, демократия лучше защищает интересы (прежде всего социально-экономические) большей части населения, осуществляя значительное перераспределение (с помощью системы налогообложения) от богатых к бедным. Это ущемление недемократиями интересов большинства вызывает давление со стороны большинства в пользу изменения системы, которое в определенных условиях (часто во время экономических кризисов) приводит к массовой мобилизации и вынуждает элиты из-за угрозы революции идти на демократизацию.

История показывает, что сложнее всего этот процесс идет в наиболее неравных и иерархичных обществах (Южная Африка), где интересы элит и большинства населения очень различны, и легче — в обществах со значительным средним классом, где нет столь противоречивых интересов (страны Западной Европы в XIX–XX вв). В то же время недемократические общества с большим равенством и высоким уровнем жизни большей части населения, будучи ближе к социальной рациональности, могут не испытывать такого давления в пользу демократизации и продолжительное время сохранять недемократический режим (Сингапур).⁹

Именно этого следовало ожидать согласно данной теории, и она утверждает, что объясняются эти процессы описанными механизмами, в рамках которых группы, чьи интересы не учитываются, оказывают давление на социальные практики в направлении их большего приближения к социальной рациональности.

Таким образом, нормативные объяснения могут быть уместны при анализе (и регуляции) практической деятельности людей, поведения индивида через указание на степень его соответствия нормам индивидуальной рациональности и объективным интересам, а также при рассмотрении моральных и правовых норм как отражающих социальную рациональность.

Рассмотрение степени моральной правильности может выполнять объяснительную функцию при анализе индивидуального поведения и процессов нормативной эволюции обществ. И эта роль не может быть объяснена через представления обществ о том, что является морально правильным. Критериальные объяснения позволяют выявить механизмы обратной связи, способствующие изменению норм, имеют предсказательную силу и дают возможность выявить причины и характеристики универсальных паттернов нормативной эволюции.

⁹ См. подробнее в фундаментальном исследовании этой проблематики: *Acemoglu D., Robinson J. A. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.*